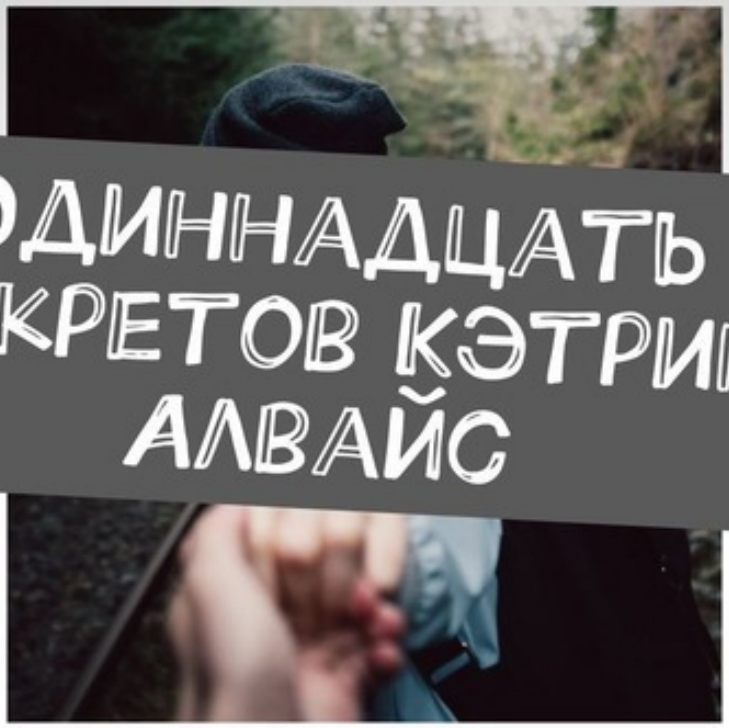
Виктория Фибер



ОДИННАДЦАТЬ СЕКРЕТОВ КЭТРИН АЛВАЙС

жизнь, которая умела летать

Виктория Фибер

Одиннадцать секретов Кэтрин Алвайс

«Издательские решения»

Фибер В.

Одиннадцать секретов Кэтрин Алвайс / В. Фибер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965919-4

Кэтрин — молодая девушка, которая ищет себя в дороге, но пока что находит только в алкоголе, сигаретах и сексе. Эта книга — падения, взлеты, и снова падения. Насколько низко можно упасть, и возможно ли будет подняться? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-965919-4

© Фибер В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1 7
1 7
2 9
3 10
4 12
5 14
6 15
7 16
Глава 2 17
1 17
2 20
3 22
4 23
5 25
6 26
7 29
8 30
9 31
10 32
Глава 3 34
1 34
2 36
3 37
4 38
5 40
6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Одиннадцать секретов Кэтрин Алвайс

Виктория Фибер

© Виктория Фибер, 2019

ISBN 978-5-4496-5919-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Самое ужасное, что может случиться с человеком – это падение. Нет, не тяжелая болезнь, не пожар, не жуткое безденежье, и даже не предательство.

Падение – это дно. Человек просто умирает, превращаясь в амёбу, которая только и делает, что существует, удовлетворяя природные потребности. Когда люди падают, они далеко не сразу замечают это, потому что сие действие происходит ничтожными шагами. Но ведь, в конце концов, один за другим шаги становятся пройденной дорогой, с какой бы скоростью они не делались. Точно так же падение совершается малыми шагами: человек ныряет в пучину отвратительного образа жизни, и если поначалу его это пугает, то со временем он привыкает, и, в итоге, не представляет себя ничего другого, кроме как.

Мало кто мог подняться после того, как падал на огромное расстояние. Если быть честной, я не знаю таких людей, и сомневаюсь, что они когда-либо существовали. Но, как говорится, «никогда не говори никогда». Возможно, среди тысяч упавших найдётся один, что воспротивится своему грешному пути, и поднимется с трудом на колени, а, затем, найдёт в себе силы подняться и на ноги.

Может быть, и я смогу?

Глава 1

1

Голова раскалывалась от жуткого похмелья. Ещё бы ему не быть жутким: вчера в баре «Drink, too drink!», пристроенном к моему мотелю, я выпила по меньшей мере пятнадцать рюмок виски, одну за другой. На спор с каким-то китайцем. А ещё я подцепила сексапильную девушку к себе в номер, перед этим распив с ней по стакану крепкого фирменного коктейля, который оказался явно лишним в моём организме, потому что после визита в мой номер – непроглядная тьма. Я совершенно не помню, что было дальше. Кроме… Вот чёрт.

Я открыла глаза и поняла, что нахожусь в своём номере. Солнце слепило глаза, а раз я не задвинула на ночь шторы, то из этого следует, что я была не просто пьяна – катастрофически пьяна. Ведь я никогда не забываю занавесить окна на ночь. Пришлось снова закрыть глаза. Тошнит просто адски. Я повернулась на бок, отвернувшись от солнца, и провалилась в сон.

– Вставай, безобразница!

Я открыла глаза, ощутив, как кто-то лягнул меня ногой. Взгляд метнулся в сторону раздражителя. Ну конечно. И отчего же вдруг мне так сильно захотелось врезать этой наглой швабре по её накрашенному личику? Какого, собственно, хрена она меня трогает?

– Да вставай ты уже! Иначе я возьму ключи от твоей колымаги, а потом…

– Дай сюда ключи, эй! – с ярким выражением гнева на лице я подскочила с такой невероятной скоростью, что всё происходящее вокруг включилось в режим замедленного действия. Рот блондинки, которая ещё вчера в баре казалась мне чертовски притягательной в силу моей любвеобильной и периодически бисексуальной натуры, а на данный момент представшей перед моим взором обычной простушкой с вполне заурядной смазливой внешностью, медленно открывался и закрывался, складываясь при этом в игривую ухмылку. Этим она напомнила мне рыбу, которую волны выбросили на берег – она задыхается от отсутствия воды и обильного количества кислорода в жабрах, но тем не менее надеется на то, что ещё попадёт обратно в свою скромную речку, чтобы продолжить путешествие по течению.

Я скинула с лица выражение гнева и бросила на неё беглый взгляд. По её улыбке было всё ясно: типичная феминистка-лесбиянка, которая терпеть не может мужчин, но при этом предпочитает мужеподобных девушек. И хотя я явно не подходила под этот критерий, ночь, судя по всему, мы провели вместе.

– Да не злись ты так, Кэт. Время близится к вечеру, а мы проспали практически тринадцать часов.

Я молчала. В душе я понимала, что она ждёт продолжения, но среди моих установок было «Не ложиться в постель с одним и тем же человеком дважды». Когда-то я нарушала данное правило, но в то время его и не существовало в помине в моей голове среди прочего бардака. И одним из исключений была моя влюбленность (любовь).

Кажется, я забыла имя этой блондинки. А может быть, она не называла мне его? Впрочем, это не столь важно. Всегда можно воспользоваться банальным мужским (не женским!) правилом, которое заключалось в том, что если не можешь вспомнить имя девушки, с которой у тебя была бурная ночь, то всегда можно заменить его на «киса, солнышко, зайка, милашка, любимая, дорогая, милая», и так далее.

– Отдай ключи от машины, дорогая…

– Только в том случае, если ты встанешь с постели сию же минуту, а затем мы пройдемся до кафе, где попьем кофе за разговорами!

Блондинка широко улыбнулась, показывая ровные зубы. В глазах читалась похоть, которую я так не переношу на трезвую голову. Больше всего на свете мне хотелось собрать вещи, и укатить из этого мотеля, подальше от этой девушки. Надо прекращать напиваться так сильно, иначе я потом и себя не смогу вспомнить. Но необходимо взять себя в руки, и не грубить, а то я себя знаю. Посидим совсем чуть-чуть, поскольку я не собираюсь оставаться в этом мотеле ещё на одни сутки. Необходимо перекусить, да и кофе сейчас пригодился бы в моем организме в качестве топлива.

– Пошли, но ненадолго. Мне нужно ехать дальше.

– Я помню, ты говорила.

2

Кофе несли целую вечность. Официантка оказалась жирной и неповоротливой, и это сыграло огромную роль в быстроте обслуживания нашего столика. Леа —

так представилась блондинка, чьё имя, как оказалось, я и не спрашивала – сыпала вопросами касательно того, чем я занимаюсь по жизни. Я не испытывала огромной потребности выкладывать ей подробности, и поэтому обходилась сухими ответами. Её это вполне устроило, хотя я заметила явную нехватку общения, которую она и не собиралась скрывать либо в силу глупости и наивности, либо в силу непонятного доверия ко мне. Я склоняюсь к обеим вариантам.

Разговор затянулся на полчаса. За это время я успела выпить четыре чашки совершенно отвратительного кофе и рассказать о себе Леа пару забавных историй, и одну не очень. Леа же выболтала мне всю свою биографию, которую я слушала «в одно ухо влетает, в другое вылетает», но одну вещь за наш получасовой разговор я уловила очень ясно: она была очень несчастной девушкой, которая помогала свой больной раком матери. Безусловно, мне было её очень жаль, но на своём жизненном пути я выслушала слишком много подобных историй, и потому пришлось бы много распыляться, если бы я обращала внимание на каждую из них.

– Ладно, мне пора, Леа. Рада была знакомству.

– Ты точно не останешься ещё на одну ночь?

Я посмотрела ей в глаза, пытаясь тем временем сформулировать не слишком грубый отказ. Леа в свою очередь смотрела на меня испытующим взглядом мартовской кошки. «Сиамская Леа» – вот что мне пришло в голову, когда я всё-таки выдавила из себя сухой отказ. Надо записать в мой блокнот, когда сяду за руль.

– Прости, но мне нужно ехать. Возможно, наши пути когда-нибудь пересекутся вновь.

Я встала из-за столика, Леа тоже. Сдержанно обнявшись, мы вышли из кафе, и пошли в разные стороны. Я – к мотелю, Леа – домой, к больной матери. И в этот раз новая встреча с новым человеком завершилась абсолютно ничем.

3

Меня зовут Кэтрин Алвайс. Можно просто – Катерина. Но это в редких случаях. Для большинства людей я – Кэт или Кэтрин. На самом деле я не всегда была такой – опошленной девушкой с неопределенным образом жизни, пропитавшим всё моё сгнившее нутро. Когда-то *(обожаю добавлять «когда-то» к любому своему рассказу – это придаёт моменту частицу трагичности и чувство утраты)* я была девушкой с очень сильной мечтой и имевшей вокруг себя любящих людей. Тем не менее, я никогда не ценила то, что имею – именно поэтому я добавляю каждый раз «когда-то» к поэмам о потерянном прошлом.

Родилась я в России, а точнее в самом её сердце – в Москве. Я до сих пор не могу понять, отчего я теряла столько времени, находясь в этом гадюшнике, который душил меня изнутри, при этом имея возможность смотать удочки и дать стремительного дёру. В какой бы стране вы ни жили, никогда не слушайте людей, которые имеют честь восхвалять этот третий Рим. Слишком много напускного пафоса, проявляющегося в дымке романтического настроения, которая окутала рассказы туристов, однажды побывавших там. Всё до единого слова – чудовищное враньё из уст тех, кто даже не понимает, что врёт. И это самое печальное. Я всегда любила Россию, но никогда не любила Москву, что пропиталась насквозь энергетикой животных инстинктов самосохранения и выживания.

Конечно, каждый имеет право на мнение. Пусть продолжают рекой литься сказки о духовном начале России в Москве, о духе свободного русского народа, а так же о медведях, играющих на балалайке около Кремлёвского дворца… я в этом участвовать не буду никогда. Лучшее, что я могу сделать – промолчать.

Я всегда была единственным ребёнком в семье. Мой отец по национальности еврей – Авраам Алвайс, мама русская – Наталия, девичья фамилия Соколова. Впрочем, это не столь важно, поскольку они свели счёты с жизнью, когда я была пятилетней девочкой, и имена – единственное, что осталось в моей памяти от них. Автокатастрофа произошла, когда водитель вез их в аэропорт. Они должны были улететь Израиль, на какой-то местный праздник. Как я догадывалась, мама поддерживала иудейскую культуру, и потому всегда и во всем следовала за отцом.

На машине был номер – *011*, поскольку для отца это число было счастливым. Две единицы или *одиннадцать* означают чрезмерность в чём-либо, как я выяснила годами позже. В иудаизме это число, наверное, тоже что-то значило, но в итоге число не помогло, и мои родители отправились на тот свет.

Мне рассказывали, что я плакала. Что я ругалась на Бога, за то что тот забрал родителей. «У тебя должны быть свои родители, зачем ты крадешь чужих?» – кричала я. Это действительно печально, когда близкие уходят слишком рано. Но когда я выросла, то поняла, что мне повезло потерять их тогда, потому что в более зрелом возрасте это бы сильно повлияло на мою психику. А в возрасте пяти лет, когда я ещё только начинаю понимать происходящее, это не страшно. Раз я ничего не помню, то всё таки справилась с потерей.

Значительное время меня воспитывал дедушка, отец моей матери. За десять лет он оказал на меня должное влияние. Вот уж кто настоящий патриот, так это он – Геннадий Васильевич Соколов. Именно он настоял на том, что бы в паспорте я значилась в качестве Екатерины – настоящее старорусское имя, как он любил повторять. А ещё он любил напевать мне на сон грядущий вместо обычной колыбельной «Выходила на берег Катюша…». Не слишком подходящее выступление на ночь, но я всегда засыпала под нее очень быстро.

Когда мне исполнилось пятнадцать, Геннадий Васильевич отправился к моим родителям на тот свет, оставив мне весьма солидное наследство. Я искренне надеюсь, что родители и дедушка увиделись. И хотя мой дед был ярым атеистом, несмотря на свой нескончаемый

русский патриотизм, это не помешало моему мировоззрению сложиться несколько иначе: Я верила и верю в Бога, пусть и живущего вне религиозных бредней.

Характер предприятий дедушки меня не интересовал. Бизнес родителей был распродан, и вложен во всё, чем занимался дедушка, а так же в недвижимость, поэтому я не знала, чем занимались мои родители. И меня это незнание в принципе устраивало, ведь мечтала я совсем о другом.

В шестнадцать лет я окончила частную Московскую школу и поступила – ну наконец-то! – заграницу, а точнее, в Англию, поскольку владела английским языком на более чем высоком уровне. На тот момент у меня был опекун – Люся, вторая жена моего дедушки, которая, по сути, не являлась мне кровным родственником. Но, несмотря на отсутствие родственных уз, она любила меня всем своим старческим сердцем. Жаль, но я в своё время так и не ответила ей взаимностью. У меня в то время была гнусная привычка избегать взаимности, и любить тех людей, что с радостью готовы были вытереть об меня свою – пардон! – задницу. Что они, впрочем, и делали.

Я не сразу почувствовала истинный траур в сердце, когда Люся ушла из жизни. Мне едва исполнилось девятнадцать, и единственное, что я ощутила в полной мере – свободу, заключавшейся в беспрепятственной возможности распоряжения своим временем и деньгами. Мне казалось, что передо мной открыты все дороги на свете – вот тогда то и начала зарождаться моя раскрепощённая Кэтринская натура. Я взялась за привычку ходить по вечеринкам богатеньких английский детишек, которые ни сколько не ограничивали себя в трате средств. Вечеринки были весьма пафосного содержания с не менее пафосным контингентом с саркастическим названием «английские лорды». Я очень быстро влилась в этот бурный поток жизни, хотя не располагала столь огромными средствами, которыми располагали мои «друзья». Такие знакомства открылись мне благодаря моему необычайному уму. Нет, я не страдаю от завышенной самооценки, и у меня действительно редкий склад ума, о чем ещё говорили моим родителям при их жизни психиатры и психологи, которые со мной занимались. «Ребенок-индиго» – так меня называла долгое время мама, и эти слова я прекрасно запомнила. Детский врач, Инна Анатольевна Варнус, которая наблюдала за моим здоровьем с самого рождения, вообще утверждала, что я вундеркинд, но мне это слово никогда не нравилось, хотя я всегда чувствовала себя далеко впереди всех моих ровесников, причем во всём. Именно поэтому я, выросшая на идее того, что я умнее 99,9 процентов окружающих людей, спокойно анализировала любого, и действовала исходя из своего же анализа. А ещё я отличный психолог и стратег, способный за чёртову долю секунды прокрутить в голове море информации, и выдать нужное моментально. Всё это в своей совокупности и привлекало, и отталкивало одновременно окружающих меня индивидов, и потому я никого не оставляла равнодушным, что позволило влиться в тусовку.

На любой вечеринке я была душой компании. И хотя на каждой пати-хард было немереное количество народа, я не прилагала никаких усилий для того, что бы внимание доставалось по большей мере моей персоне. Я умела привлечь парней, которые при первом знакомстве со мной полагали, что испробуют кусок моего пирога на раз и два. Бедняги вскоре осознавали, что никого пирога им не досталось, зато доставалось мне – внимание, интерес, шквал влюблённых глаз, романтических ужинов, вроде поездок на частном самолёте на другой конец Земного шара, уважение, привилегии… перечислять можно бесконечно. Факт остаётся фактом – меня уважали даже девушки, чьи парни так стремительно кланялись мне в ноги и наслаждались одним лишь моим присутствием рядом с ними.

Моя гордыня никогда не играла мне на руку. Полагать, что я заслужила всё это за то, что я лучше всех и во всём, было нелепо, и так по-детски.

4

Однажды я влюбилась. Мне было всего ничего – двадцать лет. Это произошло так стремительно, что я до сей поры задаю самой себе вопрос – как?

На очередной вечеринке, организованной одним из моих ярых поклонников – Альденом Кэри, я выпила семь бокалов шампанского, стоимость которого может быть сравнима с половиной стоимости поддержанного Ламборджини. Возможно, мне не стоило пить, да и вообще не стоило приходить туда, ведь как раз в этот день я встала не с той ноги: сломала ноготь, споткнулась в ресторане, хотя было задумано выйти из-за столика, и уйти с гордой походкой от назойливого, но доброго Гаррисона Вуда, а так же порвала новое вечернее платье, предварительно поругавшись по телефону с отцом моей подруги Шарлотты Янг

Про её отца отдельная история. Я стала первой удавшейся попыткой Джона Янг изменить его ненаглядной супруге (и по совместительству, матери Шарлотты) Венере. Она была безумно красива и безумно умна, но её безумства на этом не закончились – наследственное заболевание Паркинсона у Венеры явилось трещиной в их счастливом семействе. Это безумие, помимо общих проявлений дрожащей походки и лёгкого шлейфа слабоумия, выражалось у неё в постоянных депрессиях, а так же периодических запоях (а ещё говорят, что русские – главные на планете пьяницы!), вследствие чего Джон взял на примету меня – очаровательную подругу его младшей дочери. К слову сказать, я была не против, и даже наоборот – полностью за. Джон тогда так кардинально отличался от всей этой толпы пафосной мелюзги, что окружала мою персону. А он словно давал мне почувствовать себя такой зрелой, такой полноценной, и такой… всемогущей… Особенно в постели. Зрелые мужчины привлекают не только глупеньких девушек, но и вполне состоявшихся. Всё дело в адреналине. Даже ребенок получает удовольствие, своровав в магазине жвачку, зная, что его могут поймать, отругать, высечь ремнем. Но его это не останавливает, а подстрекает на новые подвиги. Подросток тайно от всех лезет в отцовский бар с другом, что бы попробовать то, что в его возрасте делать запрещено – пить виски. Открывая дорогую бутылку, он знает, что папа может заметить отсутствие части содержимого в бутылке, но может и нет, и от этого идея становится еще заманчивее и интригующее.

Именно в такие моменты адреналина я была Богиней, олицетворением всего ангельского и порочного на Земле, Мессией и краем Света. Я чувствовала, как этот мужчина – такой властный в светской и семейной жизни, – обожал меня и поклонялся мне, с каждым невинным взглядом желая меня всё больше и больше. Мы случайно пересекались взглядами, и нас связывала тайна, которую мы были обязаны хранить не только от посторонних лиц и его супруги, но и от его дочери и моей подруги. Шарлотта, твой папочка сегодня заходил ко мне на чай…

Но это был недолгий, хоть и интересный роман.

Всё-таки в тот день я не должна была влюбиться. Быть может тогда все пошло бы по-другому. Нет, я не имею привычки жалеть о прошлом. Так, вспоминаю…

С самого утра Бог давал мне знаки, которые я с удовольствием (или неудовольствием?) игнорировала. Но после лёгкого опьянения я смирилась с тем, что день был паршивым, и просто разряжала собой эту жалкую вечеринку.

Это случилось в туалетной комнате. Устав от большого количества пьяного народа, я решила взять себе напиток покрепче – виски, дабы не отставать от своих «собратьев по выпивке». И вот незадача – один из тех молодых людей, что разносят напитки сборищу приличных и неприличных богатеев, пролил на меня стакан с вишнёвым соком. Моя особенность запивать виски вишнёвым соком сыграло со мной злую шутку – я направилась в сортир отмывать своё уже испорченное платье. Да что там говорить, это испорченное платье было, есть, и будет самым счастливым и самым несчастным в моём гардеробе воспоминаний.

Хлебнув виски без сока, я нагнулась над раковиной, стоя перед зеркалом. Французское парфюмерное мыло не помогало, и до меня стало доходить: нужно срочно переодеться. К счастью, мне не составляло особого труда позвонить Джессике Гилл – подруге, с отцом которой я НЕ спала, и попросить принести из моей машины платье на смену. О да, платье на смену (и не одно) было традицией дам из «английских лордов», потому что привычка проливать напитки и прожигать дорогую одежду пеплом была не только у меня.

Буквально через пятнадцать минут я стояла в одном только нижнем белье перед зеркалом в сортире, который не посещал никто с момента, как я зашла. Полупьяным взором я оглядела своё идеальное по моим меркам тело (а зеркало во весь рост позволяло мне это сделать) – тонкая шея, переходящая в слегка угловатые, но с красивыми ключицами плечи; бюст, который мог похвастаться не размером, но упругостью и правильностью форм и персиковым цветом молодых сосков; тонкие, изящные изгибы талии, переходящие в красивые женские бёдра, которые просто обожают качаться в такт моей походке; ноги, слегка кривоватые, что едва заметно, но настолько длинные и форменные, что как-то само по себе постоянно вызывает сексуальный интерес со стороны; красивые руки с длинными и тонкими пальцами, на одном из которых был сломан сегодняшним утром наращенный ноготь.

Я начала говорить себе комплименты. Не удержалась. Никогда не страдая от низкой самооценки, я не понимала людей, которые легко называют себя толстыми, страшными, кривыми, косыми. Да будь у тебя хоть шрам на пол лица, никогда не стоит говорить о своей внешности плохо! Доказывая что-то самой себе, вы убеждаете в этом и окружающих людей. Уверенность в себе зависит от количество сказанных самому себе приятностей.

– Ты прекрасна, дорогая. Особенно талия. Платье на такой фигуре лишнее.

– Вы абсолютны правы, но… извините, ради Бога!

В зеркале я увидела лицо человека, что пролил на меня вишнёвый сок. Он смотрел на меня в упор, не отрывая взгляда, затем опустил голову. На его лице я успела разглядеть нотки стыда. Не хорошо так пялиться, молодой человек.

– Простите… я не хотел мешать, я…я просто принес спрей от едких пятен. – Голова парня еще ниже опустились в пол. – И да, ещё раз прошу прощения, я не должен был говорить, да и заходить… я…я пожалуй пойду.

Не знаю, что сыграло большую роль в моём поступке – несуразное поведение парня в сочетании с привлекательной застенчивостью и бросающейся в глаза восточной внешностью, или же бокал виски без вишнёвого сока. Я просто подошла к нему ближе, повернулась спиной, плотно касаясь его ягодицами, и сказала:

– Снимай штаны.

5

Его звали Лев. При периодическом наплыве воспоминаний этот образ очень ясно всплывает в моей голове: тёмно-каштановые прямые волосы средней длины, забранные в хвост, густоте которых может позавидовать любая девушка; смуглая, ровная кожа, с отметками в виде небольших шрамов и звёздной россыпью родимых пятен на спине и толстой, накаченной шее, в которую я так любила впиваться ногтями; мужественные выдающиеся скулы и подбородок; спортивное мясное телосложение с нечётким контуром мышц; тело, покрытое густыми тёмными волосами, которое я любила разглядывать не меньше, чем его глаза – пронзительно чёрные, демонические, словно сам дьявол передал их Льву по наследству.

Это был не просто парень – это был мужчина, от которого у меня пошатывались ноги, потели руки, и горели ярким пламенем глаза. Вынуждена признаться: я любила его так, как никогда никого не любила, не люблю, и, скорее всего, не полюблю больше никогда.

В тот день, в сортире, мы занялись любовью. Если это так можно назвать, конечно. Чем я в тот момент думала – кто его знает! Он мог быть болен сифилисом, или обладать каким-нибудь другим букетом, который явно не поставишь в вазу. Для меня встали все часы мира, поскольку тогда я, пьяная и счастливая, отдавалась каждому мгновению.

Наверное, мне чертовски повезло, что на протяжении всего времени нас никто не застал за этим занятием. Приличия существуют, и я думаю, что никто из моих «подруг» не оценил бы по достоинству мое шальное поведение с более низким по рангу молодым человеком.

Лев одел меня с такой заботой и трепетом, с каким меня, наверное, не одевала в детстве мама. Алкогольный туман в голове мешал сообразить, что происходит вокруг, но тем не менее я прекрасно осознавала некоторые ненужные моменты.

– Зачем ты надел на меня платье, которое испортил?

– Я отвезу тебя домой, называй адрес.

– Вызову водителя, и он отвезёт меня!

– Не спорь, заберёшь машину завтра.

Я подчинилась. Итог этого: всю ночь мы занимались любовью у меня дома. К утру я протрезвела, сонливость начала подкрадываться незаметно, и когда я зевнула, Лев обнял меня и предложил лечь спать. Я мысленно согласилась с ним, и моментально вырубилась.

6

Люся всегда любила повторять мне: «Катерина, ты прекрасна, как росса ранним утром на зелёной траве; как закат в порту Карибского моря; как людская печаль в дни разлуки; как слёзы потерявшей невинность девушки…»

И я никогда не оспаривала свою красоту. Каждое утро, глядя в зеркало, ко мне в голову закрадывался только единственный вопрос: Чем же я заслужила перед Миром копну чёрных, густых волос по пояс; огромные, фиалкового цвета, глаза; белую, без отметин и неровностей кожу; красивые, симметричные скулы; пухлые, мягкие губы, что в совокупности являлось просто невообразимым, ангельским лицом? Быть может, в прошлой жизни я была монашкой, соблюдавшей все обеты с самого рождения и до конца смерти, а может просто была хорошим человеком. Другого объяснения своей яркой от природы запоминающейся внешности я не нахожу, поскольку ни мой отец, ни моя мать не отличались ничем таким примечательным, за что бы смогла уцепиться генетика при создании моей персоны.

Я никогда не стеснялась пользоваться своей магнетической внешностью, потому что это – мой козырь. Психология людей, исходя далеко не только из моего опыта, такова: Встречают по одежке. И, кстати говоря, далеко не всегда провожают по уму. Конечно, ум – это здорово, это прекрасно, но не всегда ум является одним и тем же определением в головах людей. Я считаю себя достаточно умной, но нет, не в физике, не в математических формулах, и даже не в языках. Я умна как психолог, и умело пользуюсь этим. Так же я достаточно умна, что бы понимать, насколько нужно быть привлекательной ВСЕГДА и ВЕЗДЕ, что бы пробиться через толпу конкурентоспособных девушек. Многие особи женского пола даже не догадываются о том, что просто раздвинув ножки можно раздвинуть горизонты. Это великая правда от меня, Гуру жизни.

Вот так я думала, этим я и жила в тот момент.

Жизнь била ключом исключительно исходя из моих амбиций… если это можно назвать таким образом. На самом деле моё существование походило на шалости маленькой девочки, которая занялась чтением эротической литературы в библиотеке, вместо того, что бы читать журналы про кулинарию, делать уроки, ковыряясь в учебниках, изучать строение растений, или, на худой конец, листать книжки с картинками.

7

Я уже на протяжении двух лет езжу по Северной Америке, а конкретно, на данный момент объезжаю Канаду, в поисках самой себя. Мой путь пролегал через просторы северо-западных её территорий, центральной части. Так же, я исследовала себя на северо-востоке и юго-востоке, пока мой путь, наконец, не привёл меня на юго-запад. Возможно то, что происходит со мной, не совсем правильная позиция «жить», но, тем не менее, я чувствовала себя живой и свободной, как никогда ранее. Притворяться, что я живу полной жизнью, и жить на самом деле, оказались двумя совершенно разными вещами.

В некоторых местах я останавливалась на какой-то срок, в некоторых могла остаться на пару дней, а некоторые покидала через пару часов, или, вовсе проезжала мимо, без остановки.

Но, каждый раз, когда я покидаю какое-либо место, которое мне запомнилось, я закапываю под выбранным мной деревом или кустом незначительную вещицу, которая находится при мне. В Шавинигане, где я познакомилась с местным баром и девушкой по имени Леа, мне понравился водопад со звучным названием «Дыра дьявола». Я не видела его вблизи, но хорошо разглядела, стоя на склоне издали. Энергия воды каким-то невидимым образом доходила до меня, что оставило впечатление в виде отпечатка на моей памяти.

Ещё вчера днём, прогуливаясь вне города, я решила закопать один из календарей, которые я всегда возила с собой – данная коллекция собиралась мной с самого детства. Когда мне ещё не было пяти лет, мой отец – Авраам – принёс мне мой первый календарь, 1924 года. На нём была изображена действующая до сих пор электрическая Израильская компания, основанная в 1923 году в подмандатной Палестине. Так мне сказал мой отец, который примерно через полгода после этих слов ушёл из моей жизни навсегда.

Коллекция состояла из двухсот шестидесяти девяти календарей, и уменьшилась вчера ровно на один – календарь 2002 года с изображением В. В. Путина. Этот календарь мне подарила Люся, как и многие другие в моей коллекции. Частичка Люси и Владимира Владимировича теперь будет храниться где-то близ Шавиниган-Фолс, закопанная под одним из множества деревьев.

Я покинула старый мотель города Шавинигана, в районе юго-запада Канады, и стала целенаправленно двигаться к просторам США. В промежутке придётся проехать через Монреаль, и остановиться на какое-то время там, что бы отдохнуть. Не люблю большие города, особенно те, что славятся численностью свыше миллиона человек, но всё-таки, несмотря на отсутствие желания, придётся проехать именно через Монреаль, и, вдобавок ко всему, осесть ненадолго там, потому что гипермаркеты больших городов позволяют найти многие нужные вещи, которые никаким образом нельзя отыскать в маленьких провинциальных городках.

От Шавинигана до Монреаля 103 с небольшим мили, или, говоря на языке моего обычного расчёта пути, 166 километров. Это недолго, даже с учётом, что я собираюсь не превышать 60км в час. Обожаю с самого детства спокойную езду в автомобиле, и это далеко не из страха возникновения аварии, или страха большой скорости. На самом деле, в неспешной езде по простому прекрасно всё: деревья и пустыри не сливаются в одну большую кучную массу, из которой нельзя обычно разобрать детали; ощущение живого ветра в каждой клеточке тела придаёт мне уверенности в своей свободе, в своей значимости в этом благородном соитии с природой; в сочетании с приятной, ровной музыкой езда без огромной скорости выливается в нечто спокойное и прекрасное… Словами сложно объяснить, но одно ощущение этого само по себе совершенно.

Ровно через два часа и двадцать минут я была в Монреале.

Глава 2

1

Каждый раз, вспоминая Льва, мне кажется, что не было ничего плохого, что меня с ним связывало. Все ужасные воспоминания вечера, который был одним из самых травмирующих в моей жизни, словно куда-то исчезают, подавляются моим сознанием, будто ничего такого не было, а если и было, то только в одном из фильмов, которые я смотрела.

Фильм, который оставил очень неприятный осадок в конце просмотра, да и на протяжении всей моей жизни. Сюжет фильма, на самом деле, не оставил бы равнодушным даже актеров, исполняющих свои роли. Только это был не фильм, а актёры не были актёрами, которые всего лишь делали свою работу.

В тот вечер мы со Львом отдыхали в пригороде Лондона, в одной из гостиниц для туристов. Мы занимались сексом, ели пиццу, смотрели сериалы и просто гуляли, наслаждаясь обществом друг друга. Именно так я и представляла себе полноценный отдых, которого у меня не было очень и очень давно, до встречи с ним. Я просто чувствовала себя такой окрылённой, какой меня никогда не видели мои «друзья», мои предыдущие любовники, да и вообще, все окружающие. Я впервые за многие годы не играла, и не собиралась притворяться кем-то, кем я вовсе не являлась.

Поздно ночью Лев повёл меня смотреть на звёзды, которые загородом всегда были ярче, чем в городе. Было лето, отсутствовал туман, и небо было чистым и ясным, как никогда ранее. Мы бежали к Темзе за руки, я – в пеньюаре и накинутой сверху толстовке, Лев – в одних шортах и футболке. Было прохладно, но после небольшого бега мы разгорячились и легли близ Темзы на траву. Лев прижал меня к себе и воскликнул:

– Посмотри, сколько маленьких солнышек на небе!

Не нужно было приглядываться, что бы увидеть, как светились эти «солнышки»: как окна квартир в ночное время суток.

– Скажи, Лев, ты меня любишь?

Я приподнялась и посмотрела ему в глаза. Они светились, почти как звёзды, и хотя было темно, я видела, что Лев смотрел не на меня, а куда-то сквозь, словно я была прозрачным пакетом.

– Мне с тобой хорошо, разве этого мало?

– Не уходи от вопроса, пожалуйста. Мне сложно говорить с тобой, потому что я никогда не испытывала такого чувства с кем-то ещё. Для меня… для меня не было кого-то ближе в последнее время, чем ты, и меня это чертовски пугает, честное слово… Но, ведь ты смеёшься со мной, и ты это делаешь не так, как делают эти люди, которых я бы хотела называть друзьями, но не могу. Ты естественен, как природа, как эти звёзды, которые ты называешь солнышками. Неужели ты не можешь сказать мне честно, любишь ли ты меня? Это же так легко понять, если ты это чувствуешь! Если тебе хорошо, и если ты любишь – ты можешь мне об этом сказать?!

– Кэт…

– Не перебивай, пожалуйста. Я задала тебе такой просто вопрос, а ты отвечаешь мне на него вопросом с уходом от ответа. Если у тебя нет таких чувств, как у меня, то скажи мне об этом, пожалуйста, я не смогу…

– Кэт, хорошо, ладно, успокойся.

– Успокоиться?

Внутри вспыхнул небольшой огонёк гнева, и я изо всех сил старалась не выплеснуть его наружу. Когда я злюсь, одному Богу видно, как мне тяжело сдерживать ярость внутри. Если

у меня не получается, то происходит неконтролируемый выплеск эмоций наружу, о котором я затем крайне жалею. И вот сейчас, когда я не смогла вытянуть из него ни слова, мне хочется вскочить, и кричать, кричать, кричать… пока голос не охрипнет настолько, что меня едва будет слышно.

– Кэт, ты опять язвишь и нервничаешь, зачем всё портить, когда всё так хоро…

– Ээээй, ребята, и чего это мы тут делаем?

Голос доносился позади нас, и мы со Львом обернулись. Буквально в трёх метрах от нас стояла кучка парней, человек пять-шесть. Естественно, речь была на английском языке. В интонации чувствовались нотки недоброй насмешки, словно нас застали здесь за непристойным занятием.

– Отдыхааааем?

На этот раз голос принадлежал кому-то другому, не тому, кто первый раз окликнул нас. Кожа покрылась мурашками, и вдруг внутри появилось чувство необъяснимого страха, словно интуитивно я поняла, что неожиданный приход незнакомых парней не принесёт ничего хорошего.

Лев поднялся с травы и выпрямился.

– Парни, а вам какое дело? Мы лежим, никого не тревожим, никому не мешаем, так в чём тогда вопрос?

Один из парней, что стоял ближе всего к нам, направился в нашу сторону.

– Ты чего какой наглый, а, парень? – Это был, судя по интонации, голос первого парня.

– Прости, чувак, но, помоему, наглый здесь только ты, ведь это ты пришёл к нам со своими друзьями, и затеял весь этот разговор.

– Я тебе не чувак. – Парень подошёл слишком близко, что бы я смогла разглядеть его в темноте. Карие глаза и темная кожа, внешность метиса. И маленький рост. – Я пришёл не к тебе, я пришёл со своими ребятами на своё место. Мы здесь обычно отдыхаем, веселимся и пьём, а вас никогда раньше не видели. – Метис перевёл взгляд на меня. – А, нет, я видел. Вот эту красотку в журнале, что валяется на ресепшене в гостинице. Кажется, я на неё даже подрочил. Ты же та куколка… Кэтрин, не так ли?

Мне стало не по себе. Да, меня приглашали на фотосессии для многих журналов Лондона, и я с радостью соглашалась. Для меня было забавным занятием фотографироваться в обнаженном виде для английской публики, и я никогда не стыдилась своего тела во время фотосъемок. Мне это даже нравилось. Так что, не удивительно, что какие-то издания находятся в холлах гостиниц на виду. Но мне мерзко думать, что этот парень дрочил на мои фотографии.

– Ты как разговариваешь с моей девушкой? – Лев подошёл вплотную к метису, и я краем глаза увидела, как остальные парни направились к нам. Я подошла ко Льву и легонько прикоснулась к его плечу.

– Пошли отсюда, а? Ну да, парень мастурбировал на мои фото, в этом же нет ничего стыдного, все мастурбируют. Пошли в гостиницу, оставим это место в пользование парней.

Метис посмотрел на меня, а я, столкнувшись с ним глазами, резко посмотрела вниз, потому что он глядел на меня так… неприятно. Боже, да он практически раздевал меня глазами, и это было заметно даже глубокой ночью, наверное, благодаря свету, исходящего от Луны.

– Твоя девушка огонь! – друзья метиса подошли к нему и во всю таращили глаза на меня. – Пожалуй, я её украду.

– Только через мой труп! – голос Льва будто задрожал, но я не успела ничего понять, потому что секунда – и вот метис ударил Льва кулаком по лицу, от чего тот отшагнул назад, споткнулся и упал. Слегка привстав, он схватился за голову, но еще секунда, и Льва повалили на траву и начали пинать ногами. Метис, тем временем, поднялся, и направился в мою сторону.

Я запаниковала, и не успела закричать, потому что метис схватил меня одной рукой за запястья рук, а другой зажал горло. Мне перехватило дыхание.

– Если ты горяча в постели так же, как и на фото, то я просто обязан испытать это на себе.

Я извернулась, пытаясь вырваться, и у меня это получилось – в ту же секунду я рванула в толпу парней, бьющих ногами Льва, и заорала что есть мочи, раздавая побои кулаками во все стороны. Парни отвлеклись, и этого момента хватило, что бы Лев подскочил, и резко вырвался из толпы. Тут я и увидела, как Лев стал удирать в сторону гостиницы. «Он хотел позвать на помощь. Он не сбегал, он просто… пошел за подмогой».

В тот момент я видела его спину, продолжая размахивать кулаками так, как-будто я боксёр на ринге, и на кону моя жизнь. Практически, так и было, разве что я не боксер, а хрупкая девушка.

Один из парней схватил меня за волосы и потащил по траве. Я успела увидеть, как метис догнал Льва, и пнул его в спину ногой, а остальные парни побежали за ним и снова принялись пинать его ногами. Далее, я закрыла глаза от боли и отключилась.

2

Когда я открыла глаза, то почувствовала, как с меня стягивали трусы. Очень сильно болела голова и подташнивало, но тем не менее это не помешало увидеть надо мной метиса, и окруживших нас парней, и заорать что есть мочи.

– Тихо-тихо, кисонька. Метис снова взял мои запястья одной рукой, и задрал мои руки назад. Другой рукой он продолжал стягивать мои трусы. Один из парней присел, что бы зажать мне рот. Ночнушка на мне отсутствовала, и тут я поняла, что лежу на траве с обнажённой грудью, и почти что уже голым низом перед кучей парней. От этого мне стало так страшно, как никогда в жизни. Я стала извиваться, как змея, и пыталась орать что есть мочи. Парень, что зажимал мне рот, второй рукой отвесил мне очень больную пощёчину, и искры звёздами полетели из глаз.

«Посмотри, сколько маленьких солнышек на небе!»

– Девочка, если ты будешь дёргаться, то придётся тебя убить. Или ты всё-таки хочешь на тот свет к своему убегающему парню? Этому трусу было плевать на тебя, он дал дёру при первой возможности. А перед смертью он умолял его отпустить, обещая сделать что угодно. Я попросил разрешение пустить тебя по кругу. И знаешь, что я тебе скажу? Твой парниша дал нам разрешение. Так что, всё официально.

Мои глаза наполнились слезами. Дикий страх, смешанный с обидой от слов этого жалкого метиса, переполняли меня изнутри. Я хотела умереть в ту же секунду, как открыла глаза, и это желание усилилось, как только эта гнусная падаль открыла свой не менее гнусный рот.

Тем временем, с меня стянули трусы, и я почувствовала, как этот наглый ублюдок трётся об меня.

– Нравится, Кэтрин? Богатенькая штучка, небось. Модель. Я знаю, что такие, как ты, спят с богатенькими и успешными мальчиками. Или стариками, у которых член-то уже не стоит. – Метис ухмыльнулся, убрав рукой потную прядь, которая закрывала ему глаз. – Тебе нужно вкусить то, что ты никогда не пробовала. Простого парня, у которого ни гроша в кармане. Зато член такой огромный, что даже в рот не помещается. Но мы с тобой всё преодолеем.

Налитые слезами глаза мешали различать силуэты парней. Меня парализовало, когда метис начал меня насиловать, и хотя секс не был для меня чем-то новым, в тот момент я поняла, насколько понятия «секс» и «изнасилование» разные. Совершенно. Было ужасно больно от того, что мои руки были схвачены одной цепкой рукой, внизу живота неприятно ныло, спина ощущала каждый камешек, на котором я лежала, а во рту был солёный привкус руки того парня, что продолжал держать мой рот. Я не могла двигаться, и это было вовсе не от того, что эти чудовища держали меня, как свинью на скотобойне перед тем, как зарезать, а от того, что я сама не могла пошевелиться. Я застыла, как грёбаный камень, как статуя, словно сама Медуза Горгона посмотрела мне в глаза.

Метис двигался так, словно я была для него резиновой куклой, которой совершенно не больно. Слёзы высохли, и я ясно увидела, как эта тварь трахает меня с чувством превосходства и какой-то животной агрессией. Я множество раз играла в ролевые игры с парнями, в числе которых было изнасилование. Сейчас передо мной была не игра, я ощущала каждой клеткой тела эту боль, этот стыд и позор, этот страх и мерзкое чувство, которое мне до сих пор не понять. Меня насиловали, а я лежала, окруженная парнями, что дрочили на эту сцену, и не могла пошевелиться. Я просто лежала, и не кричала, даже тогда, когда меня перестали держать и просто трахали по кругу. Я мысленно молила о пощаде Бога, который даже не собирался приходить мне на помощь. Он оставил меня в эту трудную минуту, а я так нуждалась в нём. Он так же не помог Льву, которого до смерти забили ногами. А в мыслях у меня крути-

лась только одна фраза, и она звучала голосом Льва: «Посмотри, сколько маленьких солнышек на небе!». И я смотрела на звёздное небо, моля Бога о смерти.

3

Меня и по сей день возвращает к мыслям о том, какая бы была моя жизнь, будь жив Лев. Я иногда представляю, как мы живем с ним в пригороде Лондона; как в саду кричат от радостных криков наши дети-двойняшки: девочка и мальчик; как он подходит в строгом костюме к кровати, где я сплю, и целует перед работой.

Я представляю, будто у нас совместный бизнес, всю ответственность за который взял на себя Лев, а я ответственная дома – занимаюсь детьми, слежу за персоналом, выезжаю на спа-процедуры. Мы вместе путешествуем по миру, кидая детей на нянь, ведь нам так необходимо побыть вдвоем, что бы отдаться друг другу. У нас нет любовников и любовниц – мы живем так, будто мы единственные мужчина и женщина на Земле. И время течет сквозь пальцы.

Странно, но я не хочу вернуть все назад. Я перематываю этот фильм в голове, меняю сцены, но при этом не хочу переписывать сценарий. Все так, как есть, и даже если я не смогла пойти этим путем, то так тому и быть.

Со Львом у меня всегда были непростые отношения. Я выясняла все битьем посуды, дикими криками, ударами слабеньких женских кулаков по его спине, а он ничего не выяснял. Он говорил: «Все ясно», и уходил, даже не хлопнув дверью. Это ставило меня в тупик каждый раз, я плакала, убивалась от его ухода, но когда он приходил, я вела себя, словно мышь. На самом деле сейчас я понимаю, что он ловко покидал обитель ссоры в самый нужный момент, наверняка зная, что я остыну. Хотя при воспоминаниях порою кажется, что ему было просто наплевать.

Он всегда был спокоен, скромен, вежлив… с другими людьми, что выше его по определению. Со мной он вел себя порой по-хамски, отчего я заводилась не меньше, чем от его тела. Мне было непонятно, почему он был со мной нежен секунду, и в соотношении с этой секундой – целую минуту груб и высокомерен. Первое время я вела себя с ним сдержанно, несмотря на целую ночь, проведенную вместе. Я просто отдалась ему, как последняя шалава, но его это не остановило в дальнейших наших с ним взаимоотношениях. Он был со мной открытым и честным, хотя я так и никогда не добилась его признания в любви.

По отношению к таким же по статусу, как он сам, он был надменным, заносчивым. Он постоянно твердил, что эти люди – глупы, они не понимают жизни, и максимум, что им светит – работа на богатого дядю. Я с ним внутренне никогда не соглашалась, потому что имела другие представления о людях и возможностях человеческих амбиций. В кругу «английских лордов» были не только дети, прикрытые тенью и кошельком успешных родителей, но и молодые миллионеры, которые заработали все с нуля, потому что амбиции привели их к золотой жиле. Сетевой бизнес только начинал набирать обороты, множество международных соцсетей и приложений хлынули потоком на человечество, а самые популярные, или даже не самые популярные – раскрутились с нуля, и обеспечили будущее простых ребят, у которых кроме собственного интеллекта не было никаких козырей. Как-то раз я попыталась сказать Льву, что он не прав, и что у людей есть куча возможностей реализовать себя, просто не каждый в это верит. На что он ответил вопросом:

– По-твоему, эти люди не глупы, не мелочны, не злостны и не тщеславны. Они не никчемные, а им просто… не хватает веры в себя и свои силы? Ты так считаешь, Кэтрин?

Я тогда не нашлась, что ответить. Он видел всех людей своего круга сквозь призму какой-то злобы, которую я не понимала. Я допускала возможность его правоты, но не могла в это поверить. Я видела людей по другому, осознавая, что каждый человек на свете имеет свою уникальную судьбу, которая полна радостей и разочарований, только смысла говорить об этом Льву не было. И хотя я поменяла мнение касательно влияния судьбы, насчет людей я мыслю так же, как и раньше. С какой-то непонятной даже мне самой… верой.

4

Лев очень любил выбирать сексуальные платья для моего выхода в свет. Мы пересекались с ним на вечеринках, где он работал, а меня приглашали. Там мы бросали с ним в друг друга таинственные взгляды, какими я когда-то обменивалась с Джоном Янгом – у нас была совместная тайна, которую мы раскрывали лишь в постели. На вечеринке он постоянно проводил пальцами по моей груди, залазил под платье руками, иногда что-то сексуально шептал, при этом сохраняя дистанцию. Это заводило, как мощные духи с ферамонами, этот манящий шлейф секрета, витающий в воздухе, что гарантировало нам потрясающий секс после вечеринки. Помимо этого мы придумывали с ним кучу сексуально возбуждающих игр: то занимались «этим» в публичных местах, среди людей, которые смотрели и не видели главного, то флиртовали на глазах у друг друга с другими людьми, считая очки, кто больше «захомутал», с акцентом на количестве и качестве, то и вовсе играли в незнакомцев. Было много забавного, но при этом я дико ревновала к каждой первой девушке, будь она хоть за чертой понятия красоты. Мы очень много ссорились. Я была слишком властолюбива, чтобы позволить Льву выбирать. На постоянной основе я не упускала возможности уколоть его каким-нибудь дерзким словцом, но он никогда не реагировал. Он лишь спрашивал все время, как он выглядит, достаточно хорош ли он сегодня, прекрасно ли сидит его пиджак, красиво ли он уложил прическу. Он все время сомневался в своей неотразимости, постоянно повторяя мне, как он неотразим по сравнению с другими. Я смеялась, и говорила, что это чистая правда, и сама верила в это всем сердцем, но видя, как сомневается он, грустила. Какими бы словами я его не одаривала, этого было недостаточно. Он как будто специально вызывал во мне приступы ревности, эмоций, словно это было лекарством от низкой самооценки.

В свою очередь Лев постоянно подрывал мне веру в свою безупречность. Он не подчеркивал словами красоту моего лица, он не говорил о величии моих глаз, он не хвалил фигуру, которая так возбуждала его в постели, мою грудь, мою попу. Лишь изредка он говорил, как мне лучше одеться, какую шмотку купить в магазине, как накраситься. До встречи с ним я делала вызывающий макияж, подчеркивая и без того огромные глаза, надевала вызывающую одежду, которая моментально вызывала желание. Мне было плевать, что платье уже не модно в этом сезоне, главной целью любой моей одежды было почеркнуть все мои изгибы. Но Лев изменил мое отношение к одежде. «Кэтрин, между сексуальным и вызывающим – маленькое расстояние. Всего пара деталей одежды способна сделать образ подчеркивающим, но загадочным. Другая пара деталей лишь выставит девушку шлюхой». Он легко мог сказать, что я одета, как девушка, идущая на работу – на улицу красных фонарей. Мог раскритиковать мой макияж, мою прическу. Но он никогда не говорил мне комплиментов. Я их все время ждала. Думала, что со временем он скажет, словно сгоряча, как я чертовски красива. Как он обожает смотреть мне в глаза. Как он меня любит. Но я лишь слышала:

– Кэт, вон та девушка просто бомбическая! Как считаешь, сколько очков мне нужно за нее дать?

Быть может, он просто знал ко мне подход. Я не люблю, когда мне приседают на уши парни. Каждый делает это по-разному, но ключевое слово здесь – каждый. Лев же говорил, что я плоскозадая, что мне нужно больше уделять внимание своей фигуре, что у меня взгляд бешеной суки, что у меня слишком громкий смех, и все в таком духе. Если бы я услышала все те слова, которые слышала из уст Льва, совершенно от другого мужчины, я бы рассмеялась бы своими звонким, игривым смехом, и просто сказала бы, что красоту сложно оценить тому, у кого не стоит. Но Льва я слушала молча, как бы прислушиваясь к его мнению. И я на самом деле уделяла больше времени фигуре, тренировала взгляд перед зеркалом, делала попытки

смеяться на пару тонов тише. Что бы потом, когда я доведу себя до совершенства, Лев бы отвесил мне невероятный комплимент.

Я была такой дурой, не понимая, что я уже – совершенна.

5

В тот вечер, *одиннадцатого* числа июня, после того, как Лев был убит, а я была изнасилована самым мерзким образом, меня оставили около Темзы, совершенно раздетую и беспомощную. Перед этим мне сильно ударили по голове, от чего я потеряла сознание во второй раз. Очнулась я уже в больнице, на белых-белых простынях. Мне диагностировали сотрясение мозга средней тяжести.

Тех парней поймали, только без моей помощи. Это были работники гостиницы, которые после того, что они натворили, недолго думая, пытались скрыться из Лондона.

Когда меня выписали из больницы, то детективы, расследующие дела моего изнасилования и убийства Льва, сразу же позвали на опознание преступников. Когда показывали парней, я не узнала совершенно никого, но когда показался метис, я узнала его сразу. Эту тварь, этого подонка, что убил Льва; что надругался над моим телом, мерзко изнасиловав; что оставил на моём жизненном отрезке гнойную рану. Я сказала полицейским, что никого не узнала, сославшись на сотрясение и провалы в памяти. Тем не менее, я даже с закрытыми глазами помню лицо этого выродка, его сальную прядь, смуглую кожу, и маленькие карие глаза, похожие на две черные пуговицы от рубашки.

На опознание тела Льва меня никто так и не пригласил. Я бы и не пошла.

С каждым днём я всё меньше и меньше хотела выходить из дома. Все газеты пестрили об этом страшном случае, а мои фотографии добавляли пикантности к извращенным журналистами статьям. Ко мне приходил Джон Янг, хотел поддержать в трудную минуту, как он тогда сказал. Но когда он пытался залезть своими пальцами ко мне в трусы, я заорала что есть мочи, а Джон, попутно извиняясь, выбежал из комнаты, даже не попрощавшись.

В принципе, остальные «кавалеры» точно таким же образом отвернулись от меня.

Возле меня сутками могла сидеть только Шарлотта. И тот факт, что я спала с её отцом у неё за спиной, заставлял меня ещё больше стыдиться своего положения. Я очень сильно хотела ей признаться, и в какой-то момент, когда наш очередной разговор стал более откровенным, чем обычно, я почти что это сделала. Но Шарлотте позвонил отец, и, повесив трубку, она сообщила, что её мать покончила с собой, напившись до безумного состояния.

Тогда же Шарлотта молниеносно оделась, и, поцеловав меня в щеку мокрыми от слез губами, умчалась к уже покойной матери, и к пока ещё живому отцу-извращенцу.

Я не сказала ей ни слова. Как мне жаль. Как мне больно за неё. Как я сочувствую её потере, утрате. Или, что там ещё говорят в таких случаях?

Я ничего из вышеперечисленного не чувствовала, даже не попыталась почувствовать. Я была отключена от всего, что происходило вокруг. Мой стыд, который я испытывала, пропал.

Я спала с отцом Шарлотты, но больше мне не совестно. В тот момент не было никакого понимания ситуации. Было ли мне стыдно вообще, или я это выдумала?

Когда я поняла, что мне не стыдно, я выдохнула. Быть может, с этим чувством стыда уйдёт мерзкое ощущение от изнасилования? От смерти человека, который был для меня всем? Пожалуй, это теперь единственные вещи, которые я буду чувствовать на все сто процентов. Каждую грамминку боли, каждой клеточкой тела, каждую секунду своей жизни.

Через пять минут после ухода Шарлотты я захотела дикого секса. Такого дикого, какой у меня был только со Львом. Я заплакала, склонив голову к коленям. Слезы заливали руки, ноги, волосы. Может быть я больна нимфоманией? От чего мне так паршиво, и так хочется любви?

6

Сеть притонов, название которого я позднее набрала в поисковике, не официально принадлежала матери Карлы Моро, моей хорошей собутыльнице на вечеринках. Она чистокровная француженка, и, исходя из этого факта, она объяснила мамино «хобби» так: «Французы всегда хотят любви больше, чем другие, а большой разницы для них не существует; какого характера эта любовь будет, их не особо волнует». Карла не признавала бизнес матери, она была на тот момент ярой феминисткой. «Моя мать нарушает права девушек с непростой судьбой, которые оказались в этой сфере из-за отсутствия выбора!» – каждый раз повторяла Карла после первых двух бокалов вина, хотя услугами мужчин в материнском публичном доме она активно пользовалась. Но ведь не о правах мужчин рассуждала, верно?

Самое прекрасное, что гарантировали как проститутки, так и «сутенер» – полнейшая анонимность, то есть никаких заголовков в прессе, никаких шокирующих фотографий и статей, а уж тем более никаких роликов на YouTube. Хватит с меня известности, тем более, что ни одна газета или журнал не упустили бы возможность написать о публичной персоне, которая только пережила изнасилование и убийство парня из категории «интрижка», и которая уже во всю оттягивается с грязными жиголо у себя дома, как будто ничего и не было. Был бы идеальным заголовок: «Что это: пиар пострадавшей Кэтрин Алвайс, или больная психика?».

Но я хотела именно девушку. Никаких мужчин. Не то что бы я внезапно стала бисексуальной, нет, я давно задумывалась об этом, да и в данный момент мне было противно думать о мужчинах. Ни один мужчина в мире не сможет понять мое состояние. А девушка сможет. Можно было бы сходить к врачу, но я не хочу. Слишком много предателей в последнее время, и я просто не готова открывать свои переживания своему психотерапевту.

Перед моим взором открылась вкладка, требующая авторизации. Регистрации нигде не было видно, и я врубилась, где нужно раздобыть пароль и логин.

«Ало, Карла, добрый день, это Кэтрин Алвайс. Да-да, спасибо, мне уже лучше. Нет, мне не нужно, у меня есть свой психотерапевт, но спасибо. Газеты не лучший источник информации, это правда. Карла, Карла, слушай, я к тебе по делу. Да нет же, выпивки море, я не хочу пить, нет, мне нужен личный доступ к вашему сайту. Да, сайту твоей матери…».

Раздобыв логин и пароль без лишних вопросов от Карлы по этому поводу, мы ещё минуты три пообщались на отвлеченные темы, и попрощались. Когда доступ к сайту был открыт, передо мной предстало огромное меню, состоящее из «кухонь» разных стран. Из вкладки «ж» и «м» я выбрала в меню нужное мне, и стала рыскать глазами. Манящие азиатки, женственные европейки, русские красавицы… смуглые девушки, девушки африканки, белокожие… глаза разбегались. Портфолио каждой девушки пестрило фотографиями во всех подробностях, создавая эффект присутствия. Я никак не могла понять, что же мне всё таки нужно. Хреновая идея. Может послать всё к черту, и просто загаситься алкоголем?

В какой-то момент мой блуждающий взгляд остановился на анкете в топе лучших. Это была девушка из категории «высший сорт», с никнеймом Белла. По мне, так ей больше подходило что то типо Селена, или более нежное – Лили. Голубоглазая, с русым цветом волос она была на фото такой естественной, такой чистой, что если бы не проститутский сайт, то я могла бы подумать, что она из высшего общества, дочка какого-нибудь среднего нефтяника.

Решение было принято. В этой Белле не было и ни намёка на грязь. Я доверяю своей интуиции, поэтому, больше не буду думать.

Когда я забронировала ее на вечер, то пошла в душ, привести себя в порядок. Все-таки все это время я была в ужасном стрессе, таком сильном, что запустила себя до неузнаваемости. Тем не менее, я все равно была прекрасна, но надо было довести себя до категории «Лучшая». Даже перед самой собой.

После душа я вышла на балкон, затянулась сигаретой, и погрузилась в свои мысли. Почему вокруг все может разрушиться из-за обычного стечения обстоятельств? Ведь мы могли тогда просто не поехать в эту гостиницу. Могли бы остаться у меня, и точно так же смотреть фильмы, заниматься диким сексом, заказывать морепродукты и наслаждаться друг другом. Почему все случилось именно так? Разве я заслужила такой опыт? Разве Лев не достоин того, что бы жить рядом со мной?

По щекам скатились слезы. Я не заметила, как скурила сигарету, я лишь помню, как поджигала ее. Мы со Львом ничего не планировали, мы жили с ним одним днем, будто нас ждет целая жизнь. Мне казалось, что я буду жить вечно, закутавшись в его огромные сильные руки, вечно покрытая поцелуями любви. А теперь я одна, с истлевшей сигаретой в руках, и мне предстоит целая жизнь без любви, в которой нет больше смысла.

От мыслей меня отвлек звонок в домофон. Я находилась на одной из тех квартир, которые мы снимали со Львом для встреч, что бы нас никто не застукал, и потому я не сразу отреагировала на непривычный звук. С заторможенной реакцией я встала, пошла к домофону, и, прежде чем открыть, встряхнула пару раз головой. Так, собери себя по кусочкам. Пора принимать гостью.

На фото Белла выглядела явно хуже, чем в жизни – от ее естественности у меня перехватило дыхание. Словно ангел спустился с небес ко мне, что бы защитить от всех невзгод, которые меня окружили. По её взгляду было понятно, что она удивлена. Она застыла на пороге со стеклянным взглядом. Наверное, ожидала увидеть жирного богатенького папулю, с которым придётся включать на полную катушку весь свой шарм, дабы не показать ненароком своё отвращение.

– Здравствуйте, я – Белла, меня пригласили в ваш дом на частные услуги массажа.

Частные услуги массажа, как же «тонко» она обошла тему. Наверное, подумала, что я жена, которая случайно «застукала» заказ.

– Я знаю, кто ты. Массаж предназначен мне.

– Вам? – в глазах застыло удивление, настолько наивное, что внутри стало тяжело.

– Ты же умеешь делать массаж? Проходи.

Массаж она умела делать отлично. Я сняла пеньюар, легла на диван, а Даниэла (так ее зовут на самом деле) сделала мне расслабляющий. Были долгие разговоры, которые поначалу стали инициативой с моей стороны, и молчанием со стороны ангела, на легкие и ничего не значащие темы, затем переросшие на биографический контекст со стороны Даниэлы. Я слушала ее, изредка выдавая сочувствующий вздох – ее жизнь походила на череду неудач и несчастий, таких, что мало кому снилось. Я никогда и никого в своей жизни не слушала так долго и с интересом, как слушала голубоглазую проститутку, которая никогда не знала своих настоящих родителей, но отлично знала приёмных, что отдали ее на заработки в «модельное агенство X», не то, где она работает сейчас. Там, из тихой, скромной девочки тринадцати лет сделали шлюху для любителей малолетнего нетронутого мяса. Ее девственность была отдана арабскому шейху, что, в принципе, далеко не удивительно, как она мне сказала.

– Было больно, но слезы возбуждают таких, как он. Я ненавижу мужчин. Но за секс с ними много платят, таких денег я ни в одной сфере работы для женщин не видела. Да и куда меня возьмут? Мне двадцать лет, я ничего не умею, кроме удовлетворения сексуальных желаний. К Леди Моро я пришла добровольно – меня позвала подруга, с которой я познакомилась в «модельном агенстве X», откуда сбежала. Здесь платят за каждую связь, а за дополнительный набор услуг идут проценты, и ты имеешь право отказаться от того или иного извращения.

– Но почему ты не накопишь, что бы пойти учиться в колледж?

– Моих знаний не хватит на колледж, я не посещала школу. Когда я перебиралась из США в Англию, то была очень рада найти работу у Леди Моро. Когда-нибудь я найду себе

женщину, которая будет любить меня, а я – ее. И больше в моей жизни не будет никаких мужчин…

Даниэла – лесбиянка. Когда мы разговаривали, я видела ее взгляды, скользящие по мне. У неё были женщины-клиенты, но эти дамы бальзаковского возраста отнюдь не привлекали ее. Она была крайне удивлена, что такие, как я, могут нанять проститутку, что бы развлечься, ведь моя красота – главное доказательство того, что я могу получить что хочу, кого хочу, и когда хочу. Когда она мне об этом сказала, я рассмеялась.

– Даниэла. Дорогая. У тебя есть красота, ты далеко не глупа, так почему же ты сама не получаешь то, что хочешь?

Даниэлу этот вечер вопрос застал врасплох. Она непонимающе взглянула на меня, будто всё, что я перечислила – не про нее.

– Вот вы – красивая. В нашей сфере вы бы зарабатывали за одну ночь столько, сколько ни одна даже за целый месяц ночей… простите.

– Давай на ты.

– Хорошо.

Время было два часа ночи. Разговоры шли на разные темы, вплоть до шмоток. Но когда она смотрела на меня, мое дневное возбуждение возвращалось ко мне с новой силой. Я знала, что могла перейти к главному даже просто потому, что желание было взаимным. Но отчего то тормозила.

– Кэтрин, так почему ты вызвала меня? Мне нравится с тобой разговаривать, но такое в моей сфере очень редко бывает. За разговоры платят психологам, а такие как я… предназначены для утех клиента.

Она посмотрела на меня, и в какой-то момент мы уже лежали на диване, страстно целуясь. Я не помню, мой ли это был порыв, или не удержалась Даниэла, но одно я знаю точно: мой самый первый секс с девушкой не представлялся мне лучше, чем он был.

7

Моя жизнь пошла странным путем после встречи с Данни. Эта девушка стала для меня вроде домашнего питомца – я ухаживала за ней, кормила-поила, занималась воспитанием. Я одела ее в дорогую одежду, научила манерам светских людей, заставила покинуть работу, пристроила в колледж, подключив свои знакомства в этой сфере. Когда мне было нужно – она исполняла мои сексуальные прихоти, и хотя все было по взаимному желанию, инициатива была лишь с моей стороны. Даниэла хотела меня, и не просто хотела – она влюбилась, как малолетний подросток, но при этом она так и не решалась хотя бы изредка потребовать от меня «любви». Видимо за годы своей жизни она привыкла к полнейшему подчинению, в чем я ее не винила. Мне так было даже удобнее – воспитанная бродячая собака намного лучше, чем породистая шавка без манер.

Данни учила языки, ходила на уроки музыки, посещала фитнес-центры, шопилась, летала со мной по выходным на острова, читала книги, училась.

В принципе, и в так называемом «публичном доме» уход за девушками был на высоте, со слов Данни. Занимались их питанием, распорядком дня, точили фигуры, давали уроки правильной беседы. У каждой девушки был свой рейтинг по следующим критериям: внешние данные, интеллект, духовное развитие, физическая подготовка. И хотя для меня это несколько смехотворно, для клиентов, как сказала Данни, очень важно перед выбором девушки ознакомиться не только с фотографиями и видео, но и иметь представление о внутреннем содержании. Именно поэтому девушек разбивали на соответствующие категории, и занимались с каждой группой по специальной программе. Данни, в соответствии с этой рейтинговой системой, была в топе самых красивых и желанных, но при этом с духовным развитием чуть выше среднего (Данни – католичка, которая верит, но не соблюдает), не блистательными интеллектуальными данными, да и со слабенькой физической подготовкой. К слову, физическая подготовка была специфическим критерием выбора проститутки, так сказать для любителей мышечной массы. Сомневаюсь, что девушек по вызову клиенты заставляют бегать кросс.

Мне нравилось, что Даниэла глядела на меня так, как я совсем недавно смотрела на Льва – влюбленными глазами. Но я не могла найти в себе силы почувствовать что-то, кроме пустоты.

Даниэла жила вместе со мной, но спали мы в разных комнатах. Как-то ночью, когда была сильная гроза, Данни разбудила меня. Я открыла глаза, не понимая, что происходит. Она стояла вся в слезах, и на вопрос, что же случилось, она заикаясь ответила, что она жутко боится грома и молний.

– Я…я…ст… старалась… я… не слушала… я старалась… не смотрела… поо..том… посмотрела…

Она разрыдалась, а я пожалела ее, и пригласила к себе в объятья. Это был единственный раз, когда мы спали вместе, ведь на утро после ночной грозы я переселила ее в другую комнату, где звукоизоляция отчего-то была лучше, а на окна просто навесила габаритные шторы. Той ночью Данни прижалась ко мне, нырнув с головой под одеяло, а я так и не смогла уснуть – все думала о словах Антуана-де-Сент Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

8

Как то раз мы пошли с ней на вечеринку, где я встретила Карлу Моро. Она подошла к нам, мы расцеловались, с Данни она так же мило поздоровалась. Мы долгое время болтали вдвоем, а Данни слушала, но затем Карла подключила ее к разговору. Погода, шоу-бизнес, инновации, новоиспеченные богачи, разоренные знакомые, новинки сезона… когда Даниэла ушла попудрить носик, Карла схватила меня за плечи и потрясла.

– Какого черта, Кэт??!

– Я тебя не понимаю…

– Ты в своем уме? Да ее же все сверлят глазами. Ты хоть знаешь, что на этой вечеринке нет ни одного, кто бы не имел доступа к маминому сайту? Ты позоришь бедную девочку!

– Карла, остынь. Данни вливается в коллектив, пусть злые языке судачат что угодно, мне абсолютно плевать.

– Ты ведешь себя эгоистично. Разве твоей девушке нравится эта обстановка? Я не вижу в ее глазах веселья, весело только тебе. Ты снова можешь доиграться со своими манипуляциями.

– Что ты хочешь этим сказать??!

– Думаю, ты все прекрасно поняла.

Карла многозначительно посмотрела мне в глаза, от чего я пришла в дикую ярость. Заголовки «Бедняжка Кэтрин» перестали светиться на главных полосах газет и журналов, но историю никто не забыл благодаря подставе. Кто-то пустил утку, что абсолютно все – глупая постановка. Содержание «утиных» статей гласило, что не было никакого убийство и никакого изнасилования, просто богатенькая избалованная модель решила пропиарить свою задницу таким мерзким способом. На печатные издания я подала в суд, но тем не менее новость уже успела распространиться, причем опровержение еще не было опубликовано. Были ярые сторонники Кэтрин, которые окольными путями знали правду, или просто верили в кошмарный случай, но были и те, что спокойно позволили повесить на свои уши лапшу. И Карла, как я тогда поняла, относилась к числу последних.

Я вылила вино ей на голову. Почему-то внезапно прекратила играть музыка, да, именно в этот блядский момент, когда я это сделала. Карла театрально застонала, и тут я почувствовала на себе взгляды со всех сторон. На меня не смотрели разве что те, кто провалился под действием наркотического или алкогольного опьянения в сон, остальные же таращились, как на безумную. Я смотрела на Карлу, и в этот момент краем глаза увидела Даниэлу, которая застыла среди толпы. В этот момент Карла залепила мне пощечину, воскликнув:

– Негодяйка! Хабалка! Ничтожество, которая крутит людьми, как хочет, лишь бы удовлетворить свое эго! Мразь!

На ее глаза навернулись слезы. Мда, Карла та еще показушница. Когда ей было нужно, она вытягивала из меня услугу за услугой, поскольку я одна в своем молодом возрасте славюсь огромным кругом влиятельных знакомств, и вот, когда газетёнки закричали о том, что со мной дружить не нужно, Карла мигом отвернулась.

Пока я стояла и молчала, ко мне бросилась Данни и осторожно взяла за руку. Карла же театрально развернулась, и пошла сквозь толпу к выходу. В этот момент, как по нелепой случайности, заиграла музыка. Сквозь нее послышался гул голосов.

– Пошли отсюда.

Я взяла Даниэлу под руку, и мы, вслед за Карлой, пошли к выходу.

Не было смысла ничего доказывать. Когда напечатают опровержение, я умою Карлу одним только взглядом. Все, включая это стадо с сегодняшней вечеринки, умрут со стыда, когда прочитают, как все было на самом деле. А я выше всего этого.

9

В тот момент мне казалось, что я выше этого кошмара, но на самом деле ситуация ударила ниже пояса. Мы доехали с Данни до клуба, где я ушла в дикий отрыв. Она пыталась меня остановить. Нет, правда, всеми своими силами Даниэла уговаривала меня пойти домой, и я даже не помню, каким образом я посадила ее в такси и отправила спать, но зато прекрасно помню *одиннадцать* рюмок текилы, которые я умяла в два счета, запивая транквилизаторами, которые мне достал мой знакомый врач.

Я не сторонница такого подхода, но видимо мое душевное состояние в тот момент оказалось на грани безумства. Человеку, далекому от публичности, тяжело понять, какого это, когда твои переживания вывернули наизнанку, растоптали, и сделали из тебя, из жертвы, – маньяка.

Я и раньше садилась за руль пьяной. И под транквилизаторами, когда очень нужно было, но никогда в жизни я не садилась за руль, смешав два состояния. До того момента я просто никогда в своей жизни не мешала таблетки с алкоголем, но именно в этот вечер все случилось именно так. Марс сошелся с Венерой, Луна ушла в Плутон, или как там говорят. А я намешала внутри себя убийственный коктейль, села за руль, и, выехав на встречную полосу, попала в аварию.

10

Не могу рассказать в подробностях, как так вышло, потому что ни черта не помню. Если честно, я помню только текилу и бармена, который остановил меня на одиннадцатой рюмке, предложив вызвать такси. Я отказалась, соврав, что меня заберет водитель. Покурила за барной стойкой, и все. Далее смутно – руль, темнота, фары каких-то машин, огни улиц. Следующим мгновением я летела, и мне показалось, что это так здорово, что я улечу с этой планеты нахрен…

И снова заголовки газет пестрили моей фотографией. Помимо опровержения выходили статьи о том, что госпожу Кэтрин настиг злой рок. Какой только жалости я не увидела в этих статьях, каких только добрых слов там не было. А ведь всего-то заработала несколько переломов и черепно-мозговую травму, разве не лучший исход для аварии? Но мои «доброжелатели» так не считали. Моей несчастной персоне перемывали кости, но вот уж чего чего, но жалость я на дух никогда не переносила.

Ко мне в палату рвались журналисты. Я внезапно стала такой популярной, что мне было от этого мерзко. Знакомые и незнакомые пытались навестить меня, но благо охрана, так заботливо нанятая Шарлоттой Янг, не пускала никого без моего разрешения. А разрешила навещать себя я только Данни и Шарлотте.

Шарлота заботливо носила мне еду, в пять она не забывала организовывать чаепитие, которое я в принципе никогда не признавала, но и не отказывалась при случае принимать участие. Хотя она не проводила со мной много времени, предоставляя эту возможность Даниэле, которая сидела подле меня сутки напролет с ночевой, выбираясь лишь изредка для каких-либо нужд, тем не менее, невзирая на собственные семейные проблемы, которые не заканчивались на смерти Венеры, она помогала мне встать на ноги. Я думала о том, что бы отблагодарить по мере выхода из больницы, но с течением времени эта мысль притупилась, оставшись лишь нереализованной идеей.

Незадолго до выписки охрана сообщила, что ко мне активно рвется некая Карла Моро, которая представляется моей дальней родственницей. Данни в тот момент уехала за едой в ресторан – не то что бы я не способна была отправить кого-то из обслуживающего персонала за дополнительную плату, просто мне хотелось побыть одной, потому что присутствие влюбленной Даниэлы, которая рвалась ухаживать за мной, как за грудничком, меня стало напрягать, и я невинно переключила ее желание в удобное для меня состояние – состояние ее отсутствия. Я долго думала, стоит ли пускать в палату гостью, и, наконец, решилась.

– Пусть зайдет.

Карла ворвалась в палату, словно ожидая вот-вот застукать мужа с любовницей. Ее бегающие глаза и нервные движения сразу сообщили мне о том, что она действительно переживает. Искренне. Вопрос только в том, за меня или за свою репутацию после громких слов на вечеринке?

– Кэт, прости меня пожалуйста!

Карла взглянула мне в глаза, и я увидела в них нотки жалости. Меня это взбесило. Какого хрена она пришла меня жалеть?!

– Что тебе нужно? – Я не стала церемониться. Если уж пришла, то пусть озвучивает цель визита.

– Мне ничего не нужно… мне так стыдно… я очень сожалею.

– Да неужели? Прочитала опровержение?

– И это тоже.

Карла виновато опустила голову. Мне было ясно одно: в совокупности к ее жалости прибавляется желание наладить контакт. Плохие высказывания, которые ничем не обосно-

ваны, клеймят неосторожного на язык человека. Карла из тех людей, что ищут выгоду, но я тоже не пальцем делана. Я ей оказывала «безвозмездную» помощь, имея за пазухой свои мотивы. В принципе, так были построены все мои контакты, которые я имела, и дело касалось не только Англии. За ее пределами я имею столько людей, что простое человеческое воображение не способно такое представить. И Карла этим пользовалась. И все те люди, которые числились в списке моих «VIP» тоже пользовались услугами. Друг друга. Я была всегда осторожна, и ловко манипулировала, никого из них не сталкивая между собой напрямую. От этого зависела вся цепочка – камушки переплетаются, но не взаимодействуют между собой, потому что висят на одной ниточке – моей. Карла могла бы пригодиться мне для многих целей. Она не последний человек в Англии, да и ее мама достаточно важна для моего списка, но теперь на Карле клеймо, которое способна стереть лишь я. Если обставлю все таким способом, что мы с ней в хороших отношениях. Но я не буду этого делать… до поры до времени. Пусть побудет еще немного в статусе изгоя на светских мероприятиях, что бы в нужный момент она была согласна на оказание любой услуги для меня.

– Карла, мне сейчас некогда, да и тебе пора.

– Кэт…

– Мне стоит пригласить охрану?

Карла неуверенно повернулась к выходу, и зашагала мелким шагом. Надежда умирает последней. Перед тем, как выйти в дверь, она пролепетала:

– Ты это… поправляйся.

Я ей ответила вслед:

– Я здорова.

Через полчаса после ухода Карлы в палату вбежала раскрасневшаяся Даниэла. Я поглядела в её уставшие глаза, и в голове родилась идея относительно моей просьбы к Карле.

Глава 3

1

С самого детства я мечтала помогать людям. Несмотря на то, что большинство людей, которые не были со мной знакомы лично, но знали меня, воспринимали меня сквозь стереотип о том, что красивая не может быть умной, я всё равно не падала духом. Я твердила себе, что я умна, что я смогу в этой жизни всё, что я вырвусь из пучины неверия. Эти утверждения помогали мне идти дальше, обучаться, вырываясь из замкнутого круга людских сплетен.

Несмотря на то, что я хотела помогать людям, я их не любила. Во мне всегда сидел дух противоречия, который мешал смотреть на любую вещь, ситуацию, только с одной стороны медали. У медали всегда две стороны – вот, что я уяснила, будучи пятнадцатилетней девочкой.

Я учувствовала в молодежных благотворительных собраниях, стремясь расширить свой кругозор новыми людьми с новыми взглядами. Но даже там меня воспринимали как глупую, смазливую девчушку, которая просто страдает подростковым максимализмом. В попытках доказать окружающим людям, что я всей душой болею за детей-инвалидов, малоимущие семьи, пенсионеров – героев ВОВ, которые едва сводят концы с концами, я как-то не заметила, что мой интерес к людской жизни сошел на нет. Чем больше мне твердили: «Не лезь в это, займись чем-то полегче для своего мозга!», тем больше я пыталась влезть, и в конечном итоге я потерялась в своих же убеждениях, переставая понимать, что же – правда, а что – ложь.

Покойная Люся твердила, что я справлюсь, что моя красота не помешает найти таких же единомышленников, которые будут смотреть на меня – и видеть остроту ума, гибкость мышления, твердость взглядов. Но со временем я сама стала пользоваться красотой, не показывая никому ум. Острый язык и ум никак не связаны – вот что я всем показала. И окружающие люди поверили в эту завернутую в красивую оболочку ложь.

Я становилась грубой, жестокой, стервозной. Люди смотрели на меня, восхищаясь моей красотой, моим острым языком, но не видели сути всего. Тот факт, что я спрятала наличие ума, не показывая ему никому, не говорило об его отсутствии. И этим я умело пользовалась. Когда люди убеждались в том, что они правы, что красивая картинка не может обладать интеллектом, что за смазливым личиком не может быть наполненного содержания, они теряли бдительность. Высокопоставленные люди при мне открывали рот на такие темы, за которые можно упечь их за решетку. Можно испортить им жизнь. Можно сломать целые судьбы людей. Но никто не боялся, ведь все поверили: эта крошка не понимает, что происходит! Она хлопает наивными глазёнками, думая о завтрашнем маникюре, поездке в Монте-Карло на выходные, новинках сезона. Головка забита опилками, а значит, можно спокойно говорить о самых интригующих тайнах.

Такое происходило не сразу. При первом знакомстве со мной люди были подозрительны, скупы на слово. Присматривались. Поначалу мой острый язык наводил на мысль, что за привлекательным фантиком скрывается интересная конфетка. До поры до времени. Но, манипуляция – дело тонкое. Нужно было навести человека на мысль, что острый язык – всего лишь пустой звук, маска, под который проглядывается женская глупость, недалекость ума. Когда я доводила манипуляцию до конца, люди расслаблялись. Для них я переставала быть загадкой, они мнили, что разгадали этот чертов ребус. Такой простой, оказывается! И вот тут начиналось интересное: тайны, интриги, расследования. Люди даже не пытались скрыть тему разговора, они выплескивали море информации, даже не помышляя о том, что бы что-то утаить. Конечно, я всегда была третьим лицом среди собеседников. Двое мужчин болтали, а я просто стояла рядом, попивая прекрасное вино; в моих глазах читалось опьянение, но ум оставался

трезвым. Я запоминала каждое слово, каждую паузу, изучала микромимику во время разговоров, что бы иметь абсолютное представление о том, стоит ли этот разговор слушать. Порой я слышала обычное виляние петушиными задницами, беспочвенные подозрения кого-то в чем-то; Но о чем бы ни шла речь, я всегда держала нейтралитет, позицию «Я с вами, но не здесь». Очень выгодная позиция.

Вот так, когда я научилась пользоваться силой своей красоты, сгорела моя мечта помогать людям. Нет, я не перестала жертвовать суммы на благотворительность, как раньше, не прекратила подписывать петиции, которые считала важными, но я однозначно стала более равнодушной ко всему. Безучастной. Если раньше я, пардон, рвала задницу, что бы доказать людям, как важны поставки питьевой воды в засушливые районы Африки, то после моих изменений я просто переводила деньги людям, которые всем этим занимаются. Мне было не лень, отнюдь нет. Анализируя своё поведение, я думаю, что просто-напросто ушла моя вера в свою собственную значимость среди мировых проблем. Зачем пытаться решать что-то, если не получается? Ведь без особого напряжения можно решить непримечательную проблему, которая не имеет крупного масштаба для всех, но имеет крупный вес для меня.

2

Передо мной открывались любые двери, одна за другой. Я находила подход абсолютно к каждому человеку, к которому у меня возникал необходимый интерес. Все эти люди, в кругу которых я вращалась, казалось, были совершенно разные: каждый жил своей жизнью, у каждого была своя, не похожая на другие, дорога, у всех них разные амбиции, планы, у каждого своё видение жизни и проявление эмоций, свой характер. Но, в конечном итоге, они мыслят практически идентично, исходя из желания кому-то что-то показать и доказать. Да, иногда было и такое, что человек не желал публичного признания своей уникальности, но всегда, в любом случае, любой человек, пусть даже в глубине подсознания, ждал одобрения со стороны, будь это признание десяток, сотен, тысяч, миллионов, миллиардов людей… или, одного человека. Так вот, я всегда была той, что публично может красиво унизить, приземлить каждого, по самому разному поводу, именно поэтому мой острый язык имел свой собственный авторитет в тех кругах, где я этого хотела. Создав за собой образ «критика», я создала так же вес своим высказыванием одобрительного характера. Для человека, с которым я общалась, было важно услышать именно моё одобрение, ведь это так прекрасно, когда я, среди множества людей, выбрала именно тебя и подчеркнула твои достижения! Мне приходилось изворачиваться, действовать исходя из собственного нежелания принимать какие-то новые для меня стандарты, но я все равно это делала, если мне был нужен какой-то конкретный человек.

И хотя так было далеко не всегда, я научилась переступать через своё желание сказать правду, и научиться искусной лести, которая была лучшим способом загипнотизировать сознание, и привязать его к себе.

Кокетство, конечно, я тоже использовала. В принципе, я пользовалась кучей приёмов, потому что красивой девушке всегда намного проще пустить пыль в глаза предполагаемой жертве, но при этом мои маски с каждым днём все больше и больше прирастали ко мне, настоящей, заставляя путаться в том, кто я есть на самом деле.

3

Я больше не хотела умереть. Это был порыв, который настиг меня перед аварией. Тот факт, что я тогда легко отделалась, не давал мне покоя. Неужели где-то рядом меня стережет мой невидимый Ангел-Хранитель?

Отношения с Данни все больше и больше походили на скучную, семейную жизнь. Она часто отправляла служанок домой, в порывах сделать мне приятное: готовила ужин, гладила мои вечерние платья, обставляла мой дом, создавая уют. Я не препятствовала ей, но при этом чувствовала себя не в своей тарелке. Даниэлу же устраивало всё.

Я купила ей машину. Простенькое Порше. Как-то раз заговорила о том, что бы снять ей отдельное жильё, смягчив предложение словами:

– Ты должна научиться самостоятельно выживать в этом гребаном мире, мало ли, как жизнь может повернуться.

Даниэла расплакалась. Спросила, нужна ли она мне. Я сказала, что, конечно же, нужна. Но это было абсолютной ложью. Мне настолько опротивела жить с ней, что я не знала теперь, как избавить себя от надоевшего питомца. Хотелось, конечно, сделать всё правильно, что бы Данни ни в чем не нуждалась, что бы она восприняла всё это спокойно, уважая нашу дистанцию. Зачастую я не могла побыть наедине со своими мыслями, ведь даже сидя с сигаретой в руках в саду, рано или поздно я чувствовала присутствие Данни. И это было не паранойей, она следила за мной из-за деревьев, хоть я ее и не видела. Об этом мне докладывал мой дворецкий Хариш.

Я очень хотела вернуть те слова, которые были сказаны мной в порыве. Что я хочу вечно быть с ней вместе, что нам нужно съехаться, что я ее люблю. Это было такой же правдой, как то, что я не любила Льва. После его смерти мне хотелось простого, женского счастья и умиротворения, которое я видела в Даниэле. Она была похожа на редкий цветок, который хочется сорвать, и посадить у себя дома. Просто у меня не было осознания того, что Даниэла – не цветок, и что корень проблемы во мне самой. Никакой человек не сможет сделать тебя счастливой, кроме тебя самого. Но когда я это поняла, было уже поздно – Даниэла всеми силами старалась доказать мне свою любовь, которая мне была совершенно не нужна.

Успокоив тогда Данни, я больше не делала попыток вернуться к теме разговора. На какой бы я лошади к ней не подъехала, результат будет один – она расплачется, станет ныть о своей преданности и любви ко мне, и в конце концов мне станет вновь стыдно. Пора было принимать другие меры.

4

Через неделю после разговора с Даниэлой я позвонила Карле.

– Кэээт, дорогая, я так рада твоему звонку! Как…

– Я по делу.

– Внимательно слушаю!

– Это не телефонный разговор, нам нужно встретиться.

– Хорошо, называй место и время.

– Ресторанный комплекс «XL», сегодня, в пять вечера.

– Будем пить чай?

– Не смешно.

– Хорошо, я очень рада, что ты мне позвонила.

– А я не очень.

Положив трубку, я стала стучать пальцами по столику. Данни в это время нужно куда-то сплавить. Сегодня у нее короткий день на занятиях, поэтому она придет рано. В пять вечера ей никуда не надо. Зато в семь вечера у нее уроки музыки, которые я могу перенести на пять, позвонив миссис Рассел, её учительнице.

Что я и сделала.

Карла уже ждала меня за столом, попивая коньяк, когда без пяти минут пять я вошла в «XL».

– Добрый вечер, Кэт.

– Добрейший. Закажи мне чай.

– Не желаешь присоединиться к моему алко-десерту?

– Откажусь.

– Почему же?

– Карла, я по делу. Никаких тусовок, дружеских посиделок и прочей лабуды!

– Так чего ты ждешь?

– Хорошо. Я насчёт Даниэлы.

– Надоела игрушка?

– Не перебивай, пожалуйста. Мне срочно нужно от неё избавиться. Предлагаю поискать в базе данных клиентов твоей мамы ярых поклонниц Данни.

– Если честно, я не понимаю, что это за бред.

– А что ты можешь предложить, кроме как свести ее с другой девушкой?

– Детский лепет, Кэт. Надо действовать менее гуманно.

– И это мне говоришь ты?

– Да, это говорю тебе я.

– Хорошо, вещай.

Если коротко, то идея Карлы состояла в следующем. У ее мамы, Ирен Моро, среди хороших знакомых и партнеров по бизнесу есть люди, занимающиеся нелегальной торговлей людьми. И они в принципе могли пристроить Даниэлу в хорошую лесбийскую семью, где её права не буду ущемлены.

– Ни за что! Я не настолько низко пала, чтобы продавать Данни каким-то старухам-лесбиянкам, которые уже давно не в своем уме!

– Кэт, ты всё так буквально понимаешь. Не обязательно старухам, и не обязательно продавать. Просто за пользование Даниэлой так называемому сутенеру капнут небольшие процентики.

– Ты меня совсем за дуру держишь?

– Не горячись, а просто послушай. Других вариантов у тебя нет. Психическое здоровье Даниэлы страдает, у нее какие-то маниакальные припадки или пмихозы, не помню. Об этом меня предупредила мама, когда твоя Даниэла увольнялась с работы. Я пыталась тебя тогда предупредить, но ты и слушать не стала…

– Так о чем идет речь?

– Она больна, Кэт. С ней занимался индивидуально наш врач-психиатр, компетентный человек. Он разработал какую-то систему работы с Даниэлой, что бы она не выходила за рамки нормы. Отклонений в принципе не наблюдалось, кто же тогда знал, что ты, сексуальная и красивая молодая девушка, станешь снимать шлюху, да еще и попадешь именно на Даниэлу.

– Что за бред? У вас разве не существует критерии отбора каким-то, по которым она не должна в принципе работать, а не то что стоять в топе лучших?

– Это всё фигня. У каждой из этих девушек проблемы с головой, свои тараканы, но они незначительные, наши врачи занимаются их психическим состоянием и внешними проявлениями.

– Ты уж разберись в своем лицемерии, Карла. Слишком много повторяешь «мамин бизнес», а затем вторишь прямо противоположное. Да и как можно быть феминисткой, и рассуждать на такие темы так спокойно?

– Давай без драм, итак тошно от всего этого показушничества. Я с тобой сейчас открыта, готова выполнить твою просьбу, решить твою проблему, что не так?

– Да всё не так.

– Ты просто подумай. За Даниэлой будет классный уход, о ней будут заботиться, как о принцессе.

– Ага, и еще потрахивать против ее воли.

– Ну и потрахивать, конечно. Но так она будет держать в себя в рамках. Понимаешь? Пока ртуть в градуснике, он слаженно работает, и никому не причиняет вред. Но как только ртуть выходит за пределы градусника, всё становится плохо, и ртуть может нанести вред.

– Не агитируй, я сама приму решение.

5

Какое-то время мы пили молча, каждая свой напиток, и думали о своем. Я погрузилась в эту странную идею, и в какой-то момент она стала казаться мне вполне реальной. А что тогда делать, если по-другому никак?

«Мы в ответе за тех, кого приручили».

Тьфу, хватит лишнего думать. Антуан, когда-то написавший это, видимо не смыслил в жизни. Да и я никого не приручала.

После получасового молчания я приняла решение.

– Я согласна. Только подготовь доказательства того, что эта семья будет действительно хорошей.

– Всенепременно. И да, Кэт, раз уж мы наладили связь, то почему бы…

– Фотка в инстаграм?

– Да.

– Когда ты перестала притворяться, Карла, ей Богу ты мне понравилась больше.

– Если это комплимент, то спасибо.

– И тебе спасибо.

6

Какое-то время мне было стыдно. Я хотела всё исправить, но неуверенность меня останавливала. Почему-то в моменты, когда надо поступить правильно, чувство неуверенности гасило всё остальное. Зато изначально поступить наперекор морали были не сложно, просто нужно было немного заглушить голос совести. Я напивалась по страшному. Нет, я больше не мешала таблетки, не хотела умереть, не хотела приключений. За короткий промежуток слишком много всего было, я сыта по горло. Еще и эта история с Даниэлой… черт меня дернул вызвать проститутку в тот вечер? Откуда у меня вообще появляются все эти безумные идеи, которые в конечном итоге приводят к неприятностям?

В последний из таких вечеров, в которые я гасила свою совесть спиртосодержащими напитками, мне довелось побывать на крутой вечеринке. Её устроил мой хороший приятель, сын нефтяного магната, по кличке «*Одиннадцать*».

Народу стояла тьма. В огромном особняке элитного пригорода Лондона собрались люди самого разного контингента. Я никогда не была до того момента на вечеринках подобного характера. Курили траву на дорогих кожаных диванах, блевали там, где пили, а пили там, где нюхали кокаин. Девушки были похожи на очень дешевых, если вообще не бесплатных, шлюх, а молодые люди, если можно их так назвать, выглядели среднестатистическим быдлом, которое точно нельзя пускать на порог такого дома. Я бы точно не пустила, но Одиннадцать было плевать – он орал во всю глотку: «Зовите всех своих друзей! Здесь бесплатные наркотики и выпивка! Я хочу очень много народа в своем доме!»

Атмосфера была специфическая, короче говоря. Мне на тот момент как раз подходила.

Я выбрала место, и сидела там в одиночестве, поглядывая на окружающих людей. Творился дикий хаос. Билась посуда, статуэтки, ломались стулья. Всем было настолько весело, что никто не обращал внимание, как пара ребят обкрадывали гостей. Похоже, что из всех присутствующих, это видела только я.

Стоило ли сказать об этом хозяину дома? Возможно. Но я не стала этого делать. Лишние проблемы мне были ни к чему, да и Одиннадцать был в неадекватном состоянии, которое вряд ли позволит ему понять то, что я ему соберусь сказать.

С лестницы второго этажа скатилась девчушка на сноуборде, держась одной рукой за перила, а другой размахивая трусами, крича во всё горло «Еееееее!». Молодец, заботится о технике безопасности, некрепко вцепившись в перила.

Когда я поняла, что здесь некого слушать, потому что все окружающие – в хлам, я поднялась на третий этаж. Второй был забит безумно трахающимися парами, групповухами, фетишистами и транссексуалами. На третий этаж навряд ли дошел бы хоть кто-то из этого скотского сборища.

На этаже стояла пронзительная тишина. Мне понравилась звукоизоляция этого дома, честное слово. Закрыв дверь с лестницы, я закрыла доступ к бассовой музыке, крикам, пискам, визгам, стонам, и прочим мешающим мне звукам.

Я зашла в первую попавшуюся комнату. Она была забита огромными книжными шкафами, в которых не было ни одного просвета. Всё, буквально всё было забито книгами. В самой середине комнаты стоял большой стол, окруженный диваном и креслами. На столе лежали какие-то бумаги, небольшая бронзовая статуэтка, и книги. Я ели удержалась от громкого возгласа восхищения. Я обожаю книги, и эта комната привела меня в дикий восторг. Судя по всему, это рабочий кабинет папаши Одиннадцать. Навряд-ли он сам хоть раз в своей никчемной жизни бывал в этой комнате.

Я села за кресло стола. Пепельницы не было. Видимо, здесь не курят. Но мне всё равно.

Взяв в руки книгу, я подожгла сигарету и принялась за чтение. Если честно, я не обратила внимание на название и автора, но книга меня затянула с первых строк. Я совершенно забыла, что нахожусь в одной из спокойных комнат тусовочного дома. На тот момент я находилась в закоулках мира теней, которые погрузились на планету Эзамуа, заставляя людей чувствовать тяжесть бытия. И только один человек догадывался, что тень падает от него самого, и что причина этого мира теней – сами люди.

Сборник рассказов, один из которых я прочитала, вызвал неподдельный интерес. Не успела я взглянуть на обложку книги, что бы запомнить название сборника и автора, как послышались голоса.

– Давай поглядим, что тут можно взять, вроде пусто. – От неожиданности я выронила очередную сигарету и бросила книгу на стол. Дверь в кабинет была нараспашку, поэтому обладатели голосов должны были, по логике, зайти сначала сюда.

– Если нас спалят, нам крышка, Бруно, крышка!

– Да не кипишуй, это папочкин этаж, здесь никто не тусуется. Зато всё ценное тут, сейчас увидишь.

Я пригнулась, спрятавшись под стол. Послышались шаги около комнаты, звук от которых становился всё дальше и дальше. Воришки пошли по коридору мимо моего пристанища.

Быстро поднявшись на ноги, я рванула к двери, ведущей на лестницу вниз. Вот чего-чего, а внимание со стороны ворья ко мне было бы лишним. Если бы они меня заметили, то могли бы и в живых не оставить. Судя по всему, они готовились обворовать дом, раз имеют понятие, где брать ценное.

Сбежав на первый этаж, я выдохнула. Нужно было срочно выпить, я то трясучка невероятная!

Я подошла к бару, в котором отсутствовал бармен, перелезла через загаженную стойку, и начала мешать себе коктейль. До профессии мешалки коктейлей мне было далеко, конечно, но что-то вроде Маргариты я себе набултыхала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.